

УДК 130.3

Чикаева Татьяна Александровна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин

Института социальных наук

umoi@rambler.ru

Tatyana A. Chikaeva

candidate of philosophical sciences, associate professor

Institute of social sciences

associate Professor of the chair of Humanities

umoi@rambler.ru

Обращение к Востоку в поиске русской культурной идентичности

The appeal to the East in search of the Russian cultural identity

***Аннотация.** В статье указывается на закономерность поиска русской культурной идентичности в сравнении с культурным кодом Востока. Исследуется понимание смысла восточного культурного кода и его соотнесения с русским национальным архетипом мыслителями прошлого и современности. Формулируются выводы о перспективности взаимодействия русской и восточных культур.*

***Ключевые слова:** русская культура, Россия, Восток, Запад, национальная культурная идентичность, национальное самосознание, духовность.*

Annotation:

In article it is indicated regularity of search of the Russian cultural identity in comparison with a cultural code of the East. The understanding of sense of east cultural code and its correlation with the Russian national archetype thinkers of the past and the present is investigated. Conclusions about prospects of interaction of the Russian and east cultures are formulated

***Keywords:** Russian culture, Russia, East, West, national cultural identity, national consciousness, spirituality.*

Философия разделяет понятия Запада и Востока как двух разнонаправленных культурных кодов, различных по своему миропониманию, оценкам личности и перспектив существования человечества. Русская культура, возникающая и развивающаяся, на их стыке, не может быть изолированной от влияния ни одного из них. Вместе с тем, если вопрос западной идентификации достаточно хорошо проработан, то соотношение самобытных и восточных элементов в национальном самосознании требует дополнительного осмысления.

Восток всегда воспринимался российской элитой двойственно: с одной стороны как выражение духовности и традиционности, с другой - дикости и нецивилизованности.

Западники XIX столетия оценивали восточное влияние на русскую культуру крайне отрицательно, находя в нём одну из причин отставания России. К.Д. Кавелин считал, что «нашествие татар остановило на двести лет развитие страны» [4, с.158-159]. Результатом его стало внесение в облик русского человека множества пороков, среди которых азиатчина в образе жизни, лень ума, невежество. Современные западники не только указывают на глубинное отличие русского культурного типа от восточного, но на бесперспективность поиска точек взаимопроникновения.

Позиция западников, возможно, объясняется недостатком знания о Востоке, его многообразии, причиной которого, в известном смысле, явилось его изучение по западным источникам, а также примеры исторического противостояния России и Востока.

Во многом сходными с данной позицией являются иные концепции. Славянофилы о связи русской культуры с Востоком говорят очень мало, очевидно соглашаясь с Хомяковым в том, что «человек с умом здравым не примет Русь за племя татарское» [6, с.452], а, следовательно, нет потребности в сравнительном анализе данных культур.

Н.А. Бердяев находил, что привнесение элементов азиатской культуры отрицательно отразилось на русском самосознании. Наиболее негативное отношение проявлял философ к культуре Московского царства, которую он называет наиболее азиатско-татарской по своему духу. Россия в этот период, согласно его точке зрения, переживала самое плохое время. В культуре угасала научная мысль, личность лишалась истинной философии. Мыслитель отмечал, что русский человек терял свои непереносимые положительные черты, что «в удушливой атмосфере московского царства угасла даже святость» [2, с.7]. Н.А. Бердяев делал вывод о том, что восточное влияние отрицательно отражается на состоянии русской культуры.

Отрицательно относился к восточному воздействию на русскую культуру Г.П. Федотов. Он замечал, что вначале Восток открывал Руси только свое хищническое лицо. Всякое же соприкосновение русской и восточной идеи мыслитель объяснял необходимостью решения задач государственно-политического строительства, которые из-за цивилизационной слабости России невозможно было решить в соответствии с Западными образцами. Соединение восточной и самобытной культуры мыслитель связывал с татаро-монгольским игом и образовавшимся под его влиянием Московским царством. Г. П. Федотов рассматривал Московскую Русь как государство восточного типа, а Москва для него — это «символ Азии» [7, с.150]. Последствия такого соединения были разрушительными, национальное сознание было деформировано, в нём понятие свободы заменилось понятием воли, то есть представлением о возможности жить, не стесняясь никакими узами и осуществляемая «в культуре пустыни, дикой природы, кочевого быта, разгула» [8, с.286-287]. В результате русская культура

была отделена от базовых ценностей Западного мира и не могла полноправно войти в семью европейских народов, хотя и была изначально близка ей.

В настоящее время тезис о том, что восточные элементы русского самосознания являются препятствием для развития культуры, общества и государства, продолжает развиваться, а его сторонники приходят к выводу о необходимости целенаправленного их искоренения.

Вместе с тем, в отечественной историософии существуют концепции,двигающие иной взгляд на соотношение русской и восточной культуры. К сторонникам понимания национальной культурной идентичности как восточной мы можем отнести К.Н. Леонтьева и евразийцев начала XX века.

К.Н. Леонтьев указывает на схожесть базовых черт русской и восточной культуры, такие как «лень, фатализм, покорность властям, распушенность, добродушие, безумная отвага, склонность к религиозному мистицизму» [5, с. 386]. Восточное влияние воспринималось им доброжелательно, как поучительный пример.

Евразийцы настаивали на признании комплиментарности национальной и азиатской души. Сторонники этой теории, исходя из полиэтнического понятия русскости, указывали на то, что впитывание восточных элементов русской культурой происходило естественным путём.

Они находили схожесть русского и восточного менталитета, проявляющуюся в схожести народного творчества, танцев, песен, сказок. В соприкосновении русской души с туранством евразийцы видели путь к раскрытию сущности национальной культуры. В этом смысле нашествие Батыя, по их мнению, сыграло положительную роль для сохранения самобытности, прежде всего православия, а, следовательно, было благом для Руси. Возможное новое сближение с Востоком также оценивалось ими положительно.

Вместе с тем, евразийцы указывали на необходимость преодоления недостатков прежнего соединения отечественной и восточной культуры, а именно, не допустить грубой дифференциации культуры, бедственного политического и экономического положения низовой личности.

Традиции евразийства начала XX века продолжает современное аутентичное евразийство. А. Г. Дугин утверждает, что обращение к Турану означает «возрастание райского архетипа Святой Руси» [3, с. 33], указывая на то, что только благодаря соединению с Востоком возможно развитие православной доминанты русского культурного архетипа.

В поддержку данной теории философ выдвигает тезис о схожести русской и восточной мифологии, здесь же можно упомянуть о родственности русского и восточных языков, например санскрита, что указывает на схожесть национального самосознания как на дорефлективном, так и на рефлективном уровне.

Высказываясь в пользу восточной идентичности, А.Г. Дугин приходит к выводу о том, что она позволит возродить к активной жизни православный менталитет, а, следовательно, послужит стимулом для создания всеобъемлюще-

го альянса России и Востока, который будет противостоять распространению западных ценностей и западного образа жизни.

Наряду с концепциями, выбирающими между полным отречением и искоренением восточных элементов и выбором восточной идентификации, существуют теории, предлагающие иную позицию, основанием которой будет тезис о всемирной, синтетической сущности русской культуры.

Ап. А. Григорьев, разделяющий такую точку зрения, характеризовал русское самосознание как «срединное, но не эклектическое между Западом и Востоком, с ... наклонностью к Востоку» [1, с. 52].

Сходна была и позиция В.С. Соловьёва, полагающего, что Россия способна творчески соединить лучшие черты Запада и Востока, такие как рационализм и духовность и преодолеть их недостатки — индивидуализм и безличность.

В современной России такую позицию разделяют мыслители, которые видят Россию как самобытный творческий синтез Запада и Востока, отводят ей миссию поддержания многообразия и западного, и восточного мира, сохранения духовности в условиях бурного технического прогресса.

Рассмотрев различные позиции мыслителей прошлого по вопросу о взаимоотношении самобытных и оригинальных элементов национальной ментальности, мы можем сделать следующие выводы. Восточная идентификация русской культуры до настоящего времени не получила столь же глубокого осмысления как западная. Мы можем объяснить это сложностью восприятия основополагающих принципов восточного мышления, длительной затруднённой межкультурных контактов и иными факторами. Многие философы, рассматривающие русскую культуру, даже не представляли возможным внутреннюю связь самобытных и восточных элементов в русской самосознании. Вместе с тем, существуют и развиваются теории, доказывающие существенную связь культуры России и Востока, способность и возможность русской культуры творчески воспринять и преобразовать на основе православного архетипа лучшие элементы восточной культуры, а также концепции, призывающие и утверждающие полную принадлежность России миру Востока.

Современные условия существования и определения перспектив развития русской культуры, российского общества и государства определяет актуальность поиска ответа на поставленный вопрос не только с научной, но и политической, экономической и социальной точек зрения. Недостаточное внимание в отечественной историософии, к проблематике взаимосвязи самобытных и восточных элементов национального самосознания, преимущественное обращение к Западу приводит к ограниченности понимания перспектив развития русской культуры, российского общества и государства. В этих условиях всестороннее междисциплинарное исследование рассматриваемой проблемы является целесообразным и необходимым.

Литература:

1. Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н.Я. Данилевский,

Н.Н. Страхов. М.: МГУ, 1992. - 195 с.

2. Бердяев Н.А. *Философия свободы*. М.: МКС-Плюс, 1990. 280 с.

3. Дугин А.Г. *Мистерии Евразии*. - М.: Арктогея, 1996. 191 с.

4. Кавелин К.Д. *Наши умственный строй*. М.: Правда, 1989. 653 с.

5. Леонтьев К.Н. *Собрание сочинения в 9 т. т.5. Изд. тип. Саблина, 1912. 468 с.*

6. Хомяков А.С. *Избранные сочинения*. Нью-Йорк, 1955. 413 с.

7. Федотов Г.П. *Судьба и греха России. т.1*. СПб: София, 1991. 362 с.

8. Федотов Г.П. *Судьба и греха России. т.2*. СПб: София, 1991. 365 с.

Literature

1. Avdeeva L.R. *Russian thinkers: Ap. A. Grigoryev, N. Ya. Danilevsky, N. N. Strakhov*. М.: Moscow State University, 1992. - 195 p.

2. Berdyaev N. A. *Filosofiya of freedom*. М.: MKS-Plus, 1990. 280 p.

3. Dugin A.G. *Mysteries of Eurasia*. - М.: Arktogey, 1996. 191 p.

4. Kavelin K.D. *Our intellectual system*. М.: However, 1989. 653 pages.

5. Leontyev K.N. *Collection of the composition. In 9 t. T.5. Prod. type. Sablina, 1912. 468 p.*

6. Homyakov A.S. *Chosen compositions*. New York, 1955. 413 pages.

7. Fedotov G. P. *Destiny and sin of Russia. T.1*. SPb: Sofia, 1991. 362 p.

8. Fedotov G. P. *Destiny and sin of Russia. T.2*. SPb: Sofia, 1991. 365 p.